

Вадим и Наталья КАСПАРОВЫ: Современный танец в Петербурге так и не вышел из подполья

НА КАЗАНСКОЙ, 7,
У НЕГО ПОЯВИЛСЯ ТАКОЙ ШАНС

«Каннон Данс» существует с 1997 года. Это и школа танцев, и танцевальная компания Натальи Каспаровой, и ежегодные фестивали «Open Look» и «Кинотанец», посвященные современному танцу. Без Вадима и Наташи Каспаровых невозможно представить полную картинку культурного Петербурга. Имя есть, а дома нет — с тех пор, как исчез с лица земли ДК им. Первой пятилетки, где было их пристанище, места их обитания точно разбросаны по городу. 12 января открылся зал на Казанской, 7, — здесь они планируют не только пространство для себя, но — Дом современного танца. Без государственной поддержки, говорит Вадим Каспаров, такое им не поднять. И вообще, если ее не будет, этой поддержки, современному танцу в России не выжить. Три года назад Каспаровы предложили сотрудничество комитету по культуре. В комитете согласны помочь, но пока помощь задерживается.

Наталья и Вадим Каспаровы давно мечтали о Доме современного танца в Петербурге.

Татьяна приехала из другого города, чтобы танцевать в труппе Каспаровых.

— Насколько я понимаю, это пространство вы в перспективе готовите не только для себя, но для всего танцевального сообщества?

Вадим: — В идеале, в перспективе — да. У нас ведь так уже было когда-то в ДК им. Первой пятилетки. Там было все: и труппа наша, и залы для занятий, и раздевалки, и душевые, и офис. А когда мы всего этого лишились, пришлось перебираться в другие помещения и такого счастья уже не было, конечно. У нас есть и офис, правда маленький, и несколько залов, но все они — в разных местах. А здесь мы хотели бы создать

единое пространство для тех, кому интересен современный танец: устроить библиотеку, кинозал, мультимедиа-лабораторию, сюда же пристроить офис — чтобы все было в одном месте и люди могли здесь общаться. Ведь очень мало сейчас тех, кто занимается современным танцем системно — так, чтобы было движение вперед. Но нам самим, без помощи государства, это не потянуть — именно поэтому мы обратились за помощью к городу. Для современного танца — как для любого явления, которое хочет выйти из подполья, — необходимо многое: грамотный менеджмент, кураторы проектов, качественный пиар. Здесь же может получиться место, где молодые хореографы могли бы найти поддержку, куда они могли бы прийти с идеями и начать что-то делать.

— А что, современный танец по-прежнему в подполье, если говорить о Петербурге?

Наталья: — Со всем, что я знала, я познакомилась на Западе. А мне очень хотелось заниматься этим здесь, дома. Хотелось, чтобы рядом были такие же энтузиасты. На самом деле и тогда все это было в нашей стране: был Саша Кукин, был театр «Игуан Данс», проводился международный фестиваль в Витебске. Но мы ничего этого не знали, потому что все было как-то полуофициально.

У молодежи поменялись ценности. Когда мы начинали, нам тоже, естественно, надо было на хлеб зарабатывать. Но сейчас сиюминутная выгода тотально преобладает над всем остальным — над идеей, над творчеством. И все боятся трудностей. Стало очень тяжело двигаться вперед.

ставило нас обращаться к государству.

Проблема была еще и в том, что многие находились в плену традиций классического танца, из которого по сути вышли. А мы с Наташей вышли из спорта, соответственно, никакие традиционные взгляды нас не тревожили. Ведь с чего когда-то началась наша школа? Наташа очень хотела свою труппу. А где было ее взять?

Мы все создавали с нуля — школу, труппу, фестивали, проекты и конкурсы. Всему учились сами. Некоторых это очень пугало. Нас же все посылали тогда, где бы мы ни появлялись: от Театрального института до Театра Музкомедии.

Наталья: — И до сих пор так: наша старая школа дико боится перемен. Так и студентов учат. У меня есть ощущение, что, попав в наши учебные заведения, люди отбрасываются на век назад.

— Я вообще плохо понимаю, как можно учить современному танцу в академических заведениях. Ключевое слово в нем — свобода, традиции очень условны...

Наталья: — Но на Западе это как-то удается — совмещать традиции и преподавание современного танца. Там умудряются не перекрывать кислород всему новому... Но это, вероятно, не единственная причина, по которой современный танец не получает у нас такого распространения, как на Западе.

Вадим: — Проблема в кадрах в первую очередь. В Питере на самом деле очень мало людей, которые владеют этим искусством на профессиональном, международном уровне. Но есть и еще одна проблема, она уже из нового времени — у молодежи поменялись ценности. Когда мы начинали, нам тоже, естественно, надо было на хлеб зарабатывать. Но сейчас сиюминутная выгода тотально преобладает над всем остальным — над идеей, над творчеством. И все боятся трудностей. Стало очень тяжело двигаться вперед. И здесь мы опять возвраща-

емся к государственной политике. Не будет ее — ничего не будет. Социальные гарантии, которые может дать только госорганизация, для людей сейчас очень важны. Мы никому их дать не можем; сейчас даже не можем гарантировать людям стабильные зарплаты.

— А насколько современный танец востребован? Это ведь довольно сложное искусство...

Наталья: — В Петербурге, как ни странно, с этим хуже, чем порой в провинции. К современному танцу нужно приучать, нужно зрителя образовывать, объяснять. Хотя бы для того, чтобы зрители могли отделять зерна от плевел, потому что сейчас многие говорят, что занимаются современным танцем, а на самом деле вытворяют такое, что люди, глядя на это и думая, что таков он и есть на самом деле, с ужасом отворачиваются. У нас, конечно, есть хорошие профессиональные коллективы, но где они, кто их видит? Они в основном на Западе гастролируют.

— Может, из-за того, что у нас здесь — «колыбель классического балета», людям сложнее воспринять нечто радикально отличное?

Вадим: — И это тоже. Во всяком случае Сибирь пока выигрывает и по количеству трупп, и по количеству талантов. Там все приживается и развивается легче.

— Но у нас, несмотря на это, сейчас много школ, где предлагают обучение современному танцу. Любого можно научить танцевать?

Наталья: — Мне кажется, все дело в желани. У нас была ученица, психолог по образованию, которая пришла в нашу школу заниматься с нуля. Освоила одно направление, второе. Получила высшее образование в Финляндии по специальности «современный танец» и теперь работает там же, в Финляндии, педагогом-хореографом.

— А возрастные ограничения имеются?

Наталья: — Это все очень условно. Есть труппа NDT 3, возраст участников которой — от сорока и выше. Конечно, они танцуют другой репертуар, но это именно современный танец — и это очень интересно. Потому что уже ушло чрезмерное увлечение техникой и возможностями тела и появилось нечто очень мощное — жизненный опыт. Есть что сказать. И такая мощная энергетика, что просто мурашки по коже.